

22.07.98

Чайковский Т.А.
(конкурс)

Неуловимый русский стиль

Кудьмуря. - 1998. -
16-22 июля. - с.13

будоражит воображение Ричарда Родзинского

В преддверии "Чайковского-ХI" Всемирная федерация международных музыкальных конкурсов (WFIMC), два года назад за долги и "плохое поведение" исключившая наш конкурс из своих рядов, решила сделать ему подарок, вновь приняв под свое крыло. Что это изменит? Поднимет ли явно падающий престиж конкурса? Об этом, а также о деятельности самой федерации, наш корреспондент беседует с ее вице-президентом, почетным гостем Конкурса Чайковского Ричардом Родзинским. Поскольку г-н Родзинский оказался по совместительству директором Международного конкурса пианистов имени Вэна Клайберна, то, естественно, трудно было удержаться от сравнения двух "братских" со-
сязаний.

— Господин Родзинский, что это за детективная история с исключением Конкурса Чайковского из Всемирной федерации международных музыкальных конкурсов?

— Ничего детективного здесь нет. Просто предыдущего директора конкурса не интересовала федерация. Он считал, что конкурсу это не нужно.

— А конкурсу это нужно?

— Понимаете, WFIMC способствует известности конкурсов. Каждый год мы выпускаем специальный буклет, который распространяем тысячами копий в разных странах — в музыкальных школах, университетах, посольствах... Здесь дается самая исчерпывающая информация о музыкальных состязаниях: даты, условия, адреса и многое другое. То, что не вошло в буклет, дополняют страницы в Интернете: история, традиции, отзывы прессы. Главное же то, что мы имеем возможность контактировать, обмениваться мнениями, что-то придумывать. Например, на одной из таких встреч возник совместный проект, собравший лауреатов крупных международных конкурсов в одном концерте. Это было великолепно и очень необычно.

Или та же система голосования — на каждом конкурсе она своя. Разве неинтересно об этом узнать? Информация о членах жюри. Что из себя представляет этот? Что — тот? Чем он хорош? На таких встречах я мог бы спросить вашего Усанова (исполнительного директора Конкурса Чайковского. — Т.С.), как голосовал Дэниэл Поллак, справедливо или нет. Или вот недавно, во время проведения Конкурса имени Вэна Клайберна, мне позвонил мой знакомый по федерации и сообщил, что одна из приехавших участниц — не кто иная, как жена члена жу-

ри! Вы представляете? Разумеется, все это конфиденциальная информация, но она очень нужна, чтобы формировать жюри действительно из достойных людей.

Кроме того, быть членом федерации — престижно. Это то же, что входить в состав ООН, ЮНЕСКО. На сегодняшний день WFIMC насчитывает 103 члена. Хотя, конечно, есть конкурсы, которые обходятся без нас: имени Лучано Паваротти в Италии, Международный конкурс в Париже, до недавних пор Конкурс Чайковского...

— Теперь мы выжили из числа гордых одиночек и решили-таки укрыться под крылом федерации. Но для этого, по словам руководителей конкурса, нам необходимо заручиться рекомендациями двух влиятельных членов WFIMC.

— Впервые слышу. В апреле на Генеральной ассамблее WFIMC ее члены проголосовали "за", так что вы уже приняты. Другое дело, что было много разговоров: принимать — не принимать...

— А почему "не принимать"?

— Видите ли, за границей о Конкурсе Чайковского известно не так много, как вам, может быть, кажется. Он фигурирует далеко не во всех каталогах, не так разрекламирован, как того заслуживает. Поэтому на ассамблее спрашивали: когда проходит этот конкурс? Кто в нем участвует? Какое жюри? Многие прослышали, что в последний раз там не были вручены первые премии.

— Значит, все-таки прослышали! А вы говорите, о нас ничего не знают.

— В том-то и дело, что знают по слухам. А официальной информации недостаточно. Но теперь, я надеюсь, вы восполните этот пробел. В целом же репутация Конкурса Чайковского за рубежом довольно высока. Это один из самых больших конкурсов: представлены одновременно четыре специальности. А история многих лауреатов, их авторитет, музыкальная карьера — просто фантастичны.

— Как я понимаю, вхождение в федерацию создает не только удобства для ее членов, но и накладывает какие-то обязанности?

— О нет, мы никого ни к чему не обязываем. Существует, конечно, список рекомендаций, которым было бы желательно следовать. Например, в отношении жюри. Мы считаем, что число иностранцев здесь должно превышать число отечественных судей. Состав жюри должен оставаться постоянным и неизменным на протяжении всего конкурса.

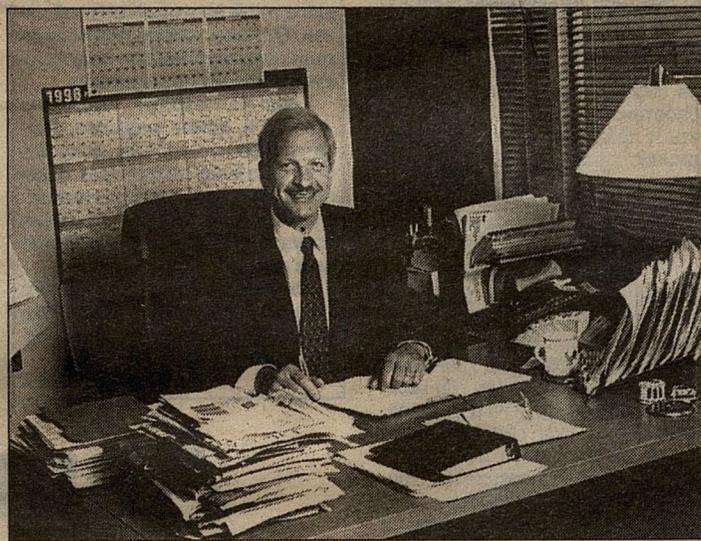

Фото Г.КИЛЛИМАН

— А разве бывает иначе?

— Конечно! Входящий в нашу федерацию Конкурс имени Фридерика Шопена в Варшаве на последнем туре увеличивает количество судей. Ну что ж, это его право. Потому что, повторяю, мы только рекомендуем, но не настаиваем.

— Вы всегда занимаете столь благодушную позицию по отношению к членам WFIMC или бывают все же обстоятельства, вынуждающие вас действовать жестко?

— Крайне редко. Например, если мы видим, что с конкурсантами обращаются плохо, как со скотом (а такое, увы, бывает). Тогда мы вправе применить санкции, какие-то силовые методы, что мы и делаем.

— На Конкурсе Чайковского с этим как будто бы все в порядке. Но я не могу отделаться от чувства жалости к участникам, когда вижу всю эту гонку, — многие из них приходят к финишу, как загнанные лошади. По-моему, Конкурс Чайковского слишком уж длинный...

— На этот счет разрешите мне поделиться своими соображениями — уже не как вице-президенту WFIMC, а как директору Международного конкурса имени Вэна Клайберна.

Дело в том, что наш конкурс организован по образцу Конкурса имени Чайковского. У нас даже больше туров, потому что добавлена игра в ансамбле. С другой стороны, то, что называется у вас первым туром, у нас считается предварительным отбором и, строго говоря, не входит в конкурс. Сначала из присланных заявок мы отбираем девяносто — сто имен. Потом в городах, где живут исполнители, устраиваем прослушивания, после чего остается тридцать — от силы тридцать пять человек. С

них-то и начинается собственно конкурс: каждый участник играет большую сольную программу. Таким образом, ваш второй тур — наш первый. Эта система кажется мне более рациональной: мы знаем, чего ждать от исполнителей, в то время как на Конкурс Чайковского нередко попадают случайные люди, которые своей игрой мучают и жюри, и публику. Да и конкурс поэтому кажется длиннее.

— А каковы ваши отношения с прессой? Что касается нашего конкурса, то пресса настроена по отношению к нему весьма критически.

— Сейчас принято ругать музыкальные состязания. И здесь есть доля истины. Скажем, если я хочу построить дом и есть два архитектора, я неминуемо должен увидеть работу каждого из них, чтобы сделать выбор. Но в музыке иначе. Да, на первом этапе конкурса можно сказать: этот лучше, этот хуже, но на заключительной стадии разговоры "лучше — хуже" теряют смысл. Что лучше — апельсин, яблоко, груша? Все замечательно, просто у каждого свой вкус! Правда, бывает, что и на последнем туре вперед вырывается явный лидер, как когда-то Вэн Клайберн, Ашкенази, Плетнев. Но обычно лидирует целая группа, где каждый — индивидуальность, свой огромный мир. Это проявляется особенно ярко еще и потому, что на нашем конкурсе программа — свободная. Бах, Моцарт, Барбер, Шопен, каждый играет, что ему нравится. Поэтому смысл нашего музыкального состязания — не в премиях. Скорее, это витрина талантов. Мы специально приглашаем на конкурс импресарио, руководителей оркестров, которые присматриваются к конкурсантам. И совсем не обязательно, что им понравится лауреат

первой премии, может, это будет вторая, третья премии, а может, тот, кто даже не прошел в финал! Кроме того, силами нашего оргкомитета мы в течение двух лет устраиваем концерты нашим финалистам — всем, на равных правах. Тем самым мы подчеркиваем, что распределение мест на конкурсе — очень условно.

— Тем более что до сих пор не найдена совершенная система голосования...

— Пожалуй, это самая большая проблема. На нашем конкурсе голосуют несколько иначе, чем у вас. На первом туре члены жюри ставят только "да" или "нет", то есть либо допускают участника до следующего тура, либо нет. Однако тут есть свои подводные камни. Конкурсант может оказаться слишком ярким, необычным — у кого-то из судей вызвать восторг, а кого-то привести в ужас. И, таким образом, не пройти на следующий тур — в отличие от среднего исполнителя, который окажется приемлемым для всех. Чтобы этого не случилось, уже на первом туре члены жюри делают пометки, кого они прочат на первое место. И если потом такие участники после формального голосования не проходят во второй тур, по ним устраивается специальное обсуждение. Почему вы считаете его исполнение ужасным? А я прочу ему первое место! Кроме того, после каждого тура любой желающий может познакомиться с тем, как голосовал тот или иной член жюри, — листки с их оценками вывешиваются на стену. Так мы пытаемся избежать ошибок, случайностей и махинаций.

— Господин Родзинский, давайте забудем о системах и цифрах. Вам как музыканту было интересно на Конкурсе Чайковского?

— Очень! Я просто пропал в консерватории, слушая пианистов, скрипачей, вокалистов. Удивляюсь, насколько трудно дается иностранцам Чайковский. Его музыка свободна, а иностранцы часто играют ее скованно и строго. Чтобы правильно почувствовать туше, оттенки, где ускорить, где замедлить, зарубежный исполнитель должен быть действительно очень-очень высокого уровня. В то время как российский — не обязательно сверхталантливый — музыкант делает это легко и естественно. Это и есть тот самый неуловимый и притягательный русский стиль.

Беседу вела
Татьяна СИДОРОВА